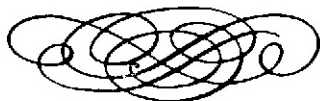

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

SIECLE DES LUMIERS

Москва — Париж
Издательство «Наука»
1970

Moscou — Paris
Edition «Nauca»
1970

Сборник «Век Просвещения» — первое совместное франко-советское издание, выходящее одновременно на русском и французском языках в Москве и Париже. На его страницах выступают известные французские и советские историки, изучающие один из самых ярких периодов в истории мировой культуры и общественной мысли — эпоху Просвещения. Сборник представляет особый интерес для читателя, ибо он посвящен живым образом малоисследованным аспектам истории Просвещения.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание является одной из форм научного сотрудничества советских и французских ученых-историков. Сборник статей выходит под общей редакцией, на русском и французском языках, одновременно в Москве и Париже. По взаимному соглашению Редакция публикует статьи авторов, представленные каждой из сторон, без существенных изменений.

Редакция надеется, что настоящее издание будет началом последующего плодотворного сотрудничества советских и французских историков.

Редакционная коллегия:

Ф. БРОДЕЛЬ,
А. ГУБЕР,
А. МАНФРЕД,
Р. ПОРТАЛЬ,
М. ФЕРРО

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

Мишель Лоне

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА ИЗ НАРОДА:
СЫН ЧАСОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА (1712-1728)

Лев Семенович Гордон

ТЕМА «БЛАГОРОДНОГО РАЗБОЙНИКА» МАНДРЕНА
В ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Геннадий Семенович Кучеренко

ЖАН МЕЛЬЕ
И ФРАНЦУЗСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ XVIII ВЕКА

Борис Федорович Поршнев

МЕЛЬЕ, МОРЕЛЛИ, ДЕШАН

Даниель Рош

УЧЕНЫЙ И ЕГО БИБЛИОТЕКА

КНИГИ НЕПРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМИИ НАУК,
ЧЛЕНА АКАДЕМИИ Г. БЕЗЬЕ
ЖАНА ЖАКА ДОРТУ ДЕ МЭРАНА

Хачик Нишанович Момджян

ДИАЛЕКТИКА В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДИДРО

Ж. Эрар

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И РОМАН,
ИЛИ ПАРАДОКСЫ ДЕНИ-ФАТАЛИСТА

Эдуар Лемэ

РОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ:

ЖАН-НИКОЛА ДЕМЕНЬЕ И ИЗУЧЕНИЕ ПРИВЫЧЕК И ОБЫЧАЕВ В XVIII ВЕКЕ

М. Дюше

МИР ЦИВИЛИЗАЦИИ И МИР ДИКАРЕЙ.
ОСНОВЫ АНТРОПОЛОГИИ У ФИЛОСОФОВ

Инесса Ивановна Сиволап-Кафтанова

ВОЛЬТЕР О ГРАЖДАНСКОМ ДОЛГЕ ПИСАТЕЛЯ

Виктор Моисеевич Далин

РУССО В ОЦЕНКЕ БАБЕФА

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССО
И К 200-ЛЕТИЮ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА»

Абгар Рубенович Иоаннисян

ФРАНСУА БУАССЕЛЬ

И ИДЕЯ СОЦИАЛИЗМА

В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

См. монографию автора по теме:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p83411267.htm>

Инееса Ивановна Сиволап-Кафтанова

ВОЛЬТЕР о ГРАЖДАНСКОМ ДОЛГЕ ПИСАТЕЛЯ

По-видимому, многое определилось для Вольтера в тот далекий чер 1725 г., когда лакеи шевалье де Рогана избили его палкой. Для французского общества 20-х годов XVIII в. в этом событии было ничего особенного. Так могло случиться с любым писателем, художником, артистом, ученым, который не совсем правильно принимал табель о рангах¹. Кстати, чуть позже, в 1740 г., в другой стране — в России — произойдет подобный же случай с поэтом Тредиаковским. Свое неудовольствие сильные мира сего высказывали им даже не лично и уж никак не снисходили до дуэли. Свинувшимися поступали проще — зарвавшегося простолюдина казнила челядь. Так и поступил надменный де Роган-Шабо с молодым Франсуа Аруэ, будущим Вольтером, как, впрочем, и обществу Тредиаковского вельможа Артемий Волинский, сам ставший впоследствии Бирона. Инцидент прошел бы незамеченным, если бы Вольтер, подлечив свои синяки, присмирел, стал бы потише. Но не случилось. Поэт ничего не понял из урока палочной расправы. Он возмутился, стал протестовать, не хотел уступить, превратив весь пассаж в шутку. В этом дерзком упрямстве было новое...

Правда, за этим последовало заключение в Бастилию, высылка в Англию, возвращение и жизнь с оглядкой на собственную

¹ Общеизвестно, что ссора разгорелась из-за насмешливого вопроса лакея: «Вы господин Аруэ? Или господин Вольтер? Как, собственно, зовут вас?» Вольтер не задумываясь ответил: «Я создаю свое имя, а вы должны уважать мое».

...сжигающий листы «Английских писем». Поэт и писатель, философ и философ — он стал старше, мудрее, хитрее. Он научился до времени проглатывать обиды, спускать оскорбления, сдерживать гнев. Он ждал минуты мщения. Не он, а тысячи врачей и историков через полстолетия приведут в исполнение эту месть — в пустыне будут расплачиваться де рога за презрение к писателям. Конечно, на Гревской площади не было ликующего народа, но были те, кто буквально следовал поддержанным им лозунгам — «Свобода, равенство и братство» и кто с якобинской жестокостью и неумолимостью мстил за горечь обиды юного Вольтера, за погребение в мусорной яме гордости французской интеллигенции, за страдания загнанного великосветского интригана Жан-Жака Руссо.

Все же за три десятилетия до революции Вольтер и сам одержал победу. Он стал некоронованным королем Европы. К нему шли на поклон сильные мира. Ему писали лживопритворные письма монархи, стараясь понравиться, заручиться его поддержкой. Но такое общественное положение далось не вдруг и не сразу. За ним лежал беспримерный труд и каждодневная борьба. Медленно, шаг за шагом — из пьес, повестей, романов, эссе, исторических произведений и философских трактатов складывался Вольтер свой пьедестал. Конечно, и до него были великие писатели. Но им не хватало присущей Вольтеру независимости суждений — бытовой, моральной, профессиональной. Вольтер остался одним из тех великанов-одиночек, которые достигают признания своим талантом и трудом. Но сила его заключалась в том. Это он начал воспитывать своих соотечественников в уважении к писателям и актерам, он заставил признать, до того, что в лице профессионального художника они увидели человека, в какой-то степени стоящего выше официальной феодальной иерархии.

Вот тогда достиг Вольтер не только трудом. Это было добыто в борьбе, которая включала в себя все виды сражений и даже единоборств с коронованной персоной. Вольтер затеял с Фридрихом II дуэль, за которым с удивлением следила вся Европа. Турнир завершился моральной победой писателя.

Взаимоотношения Вольтера с властью очень сложны и запутаны. Этот вопрос расчленился на два понятия — власть как таковая и власть как ее носитель. Еще в ранние годы своего творчества Вольтер практически уже в «Эдише» (1718), Вольтер сорвал с персоны монарха священное покрывало. Для него это такой же человек, как все остальные. Без дружбы Алсида, научившего меня всем ремеслам, я был бы «только сыном короля, только обыкновенным

ным принцем»², — говорит один из персонажей пьесы. Личные качества ставятся выше королевского сана. Пройдет немного времени и в «Бруте», «Смерти Цезаря» он открыто выразит свое отношение к тиранической власти и подтвердит симпатии к равенству и свободе. В своих письмах к Фридриху — тогда еще прусскому великому принцу — он заявит, что «все люди равны между собой». Он не устает говорить в своих пьесах о насильственной власти тиранов-самодержцев. Он опустит с котурны фигуры королей, кажет их смертными, заблуждающимися, обманутыми, иногда кими, а иногда героически прекрасными⁴. Вольтер учил людей признавать в Эдипе и Генрихе IV своих братьев. В моральной, нравственной общности он уравнил королей и героев с толпой, став главным героем своих пьес республиканца Брута и подвел широкого зрителя к мысли о равенстве. А значит и возможности пойти на их месте. Подняв руку, пусть на театральных подмостках королей, он поднял руку на власть... В одном из писем прусскому наследному принцу Вольтер пишет: «Принц, мало королей, которые обучаются у муз, мало королей, которые просвещают руководимые ими народы... Только двое-трое из них — чудо в истории заслужили славы философов, остальные — как вам известно — самые обыкновенные короли, рабы наслаждений, гордые угнетатели законов, обуза природы, бичи земли, сияющие на троне иль чужие громы»⁵. Этого французский абсолютизм не мог ему простить и не простил до конца. Несмотря на многочисленные попытки Вольтера предложить свои услуги в качестве дипломата, с прусским королем Понпадурами, — контакт установить не удалось, ибо Вольтер хотел контакта, основанного на глубоком уважении его личности. Вместо этого французский монарх назначил его придворным историографом и камергером. Нам знакома эта политика короля, писателями, особенно непокорными, — Россия, 1833 г., камергером Пушкин. Вольтер горько переживал это назначение: «Не жалко ли вам беднягу, который стал в пятьдесят лет королевским

² Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 1–52. Paris, 1877–1885, éd. A. D. Nodding, vol. 2, p. 65. — J. G. Gervais, 1954, éd. Th. Besterman, vol. 1, p. 10.

³ Voltaire's Correspondence. Genève, 1954..., éd. Th. Besterman, vol. N 1371, p. 37 (23.I 1739).

⁴ В дальнейшем несомненно большую роль сыграло и влияние Шекспира на творчество Вольтера, который «открыл» его французам (см. письмо О. Уолполю 15 июля 1768 г.). Правда, творчество английского драматурга по целому ряду причин (и не только эстетических, как часто об этом) вызывало сугубо отрицательные и подчас даже насмешливые отзывы Вольтера.

⁵ Voltaire's Correspondence, vol. V, N 1111, p. 259 (30.IX 1736).

же, т. VII, № 1650, стр. 139—140 (1.I 1739).

же, т. VII, № 1363, стр. 19—21 (15.I 1738).

риха, Вольтер надеялся, что тот со дня на день начнет проводить в жизнь принципы просветительства, гуманизма, культуры. Временительные для Фридриха дни 1740 г. он рисует ему в аллегорической форме картину идеального правителя на «серебряном столе», вокруг которого собрались все науки и искусства и план преобразований. Конечно, Вольтер понимал, что мерка, с которой он подходит к прусскому королю, несколько великовата: он считал себя обязанным ободрять его своими письмами, советами, надеждами. Он видел, что в жизни не все так хорошо, хотелось бы, поэтому и к людям, думалось ему, нужно быть снисходительными тем более, если они носители власти. «Известно, что близость к царствующим особам приводит к страданиям: нашему брату, писателям, приходится ластить королям»¹⁵. Фридрих играет в «Марсову науку» — в войну — это плохо, и Вольтер с беспокойством призывает своего «северного Александра» можно скорее обратиться в «северного Соломона»¹⁷, занятого гражданским переустройством страны. Он предостерегает от кощунства презирать простых людей¹⁸, предупреждает, что трудно быть героем на престоле¹⁹, часто напоминает о гражданском долге. Он уговаривает, как наставник, убеждает, сравнивает Фридриха с Ликургом, Аполлоном, Орфеем, создает образ политика, законодателя, победителя и поэта, которому должен следовать Фридрих. Его коробят солдатские увлечения Фридриха. Не скупясь, по мере возможности доказывает, что поэт-Орфей не может любить и вопролить, грабеж и насилие. Он настаивает на проведении гражданских реформ, ободряет в их начинании.

Но постепенно Вольтеру становится яснее истинный облик прусского короля. Уже в письмах первых лет после вояжера Фридриха проскальзывает горечь разочарования. Его советам следуют. Попытки предложить услуги в урегулировании международных конфликтов вежливо, но твердо отвергаются Фридрихом.

Вольтер убеждается, что слова прусского короля о своей единственной страсти — к стихам только слова, ибо по-настоящему привязан только к войне²¹. Очень осторожно, но весьма замечает

досада на Фридриха: «...вместо дюжины ученых и дюжину танцоров»²². К этим годам относится и письмо, где сказано в стихах: «...Берегите свою кожуру, в другой раз бог говорит такой, в которую можно поместить столько ума»²³.

Постепенно Вольтер понимает, что король своеволен и не полагается на слабавольного ученика, которым может управлять наставником более эпистолярным образом. И в 1750 г. под влиянием ряда причин он решает принять приглашение и переезжает в Берлин, но уже не как ментор, а как советчик и друг. Много говорили об этом шаге Вольтера и современники и последующие поколения. Но за этим действием стоит не только материальная выгода: за этим стоят раздумье и решение проверить свои теоретические проекты на практике, тем более что возникла на редкость сложная ситуация: давнее знакомство, чуть ли не дружба, настоятельное приглашение, т. е. весьма обманчивый тон равенства. Угнать такую возможность казалось немислимым. Редко философы могли похвастаться такой близостью с монархом. Почему мы возмущаемся Фарадеем, Ньютоном, Галилеем, их действиями, лирическими в частной жизни, настойчивостью в проведении экспериментов, который нужно ставить раз, десять, двадцать, сто? Разве Вольтера это не такой же эксперимент? Соединить монарха с философией, обвенчать эти разные головы, провести почти что алхимика? Это эксперимент в общественной жизни, ибо, по убеждению, «опыт — истинный учитель философии»²⁴. И Вольтер как ученый, — кстати, он имел уже солидный стаж естествоиспытателя, химика и физика, — идет на него с открытыми глазами, отдавая себе отчет в его опасности. Еще в 1737 г. в одном письме к тому же Фридриху он сказал: «Горе философу, который имеет сгонять с лица морщины»²⁵. Он знал, что многим рисковать и будет повержен, обезличен, смят, или станет победителем. Но это ему жизненно необходимо — победа философии в далекой Пруссии в конечном итоге исключительно важна и для Франции, ибо если просвещение победит в одной стране, то оно распространится повсюду²⁶.

Этот эксперимент занял не так много времени. Прусский король был слишком далек от тех античных героев, именами которых прославляли все, в том числе и сам Вольтер. Надежды на просвещения в Германии, на разумное правление скоро

¹⁵ Voltaire's Correspondence, vol. X, p. 90—92 (15.IV 1740). Л. С. Гордон утверждает предположение, что слово «argent» является здесь намеком на то, чтобы будущий государь опирался на деньги, т. е. сделал ставку на буржуазию.

¹⁶ Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 1, p. 40, et 17.

¹⁷ Voltaire's Correspondence, vol. XII, N 2441, p. 48 (26.V 1742).

¹⁸ Там же, т. XI, № 2411, стр. 241 (22.XII 1741).

¹⁹ Там же, т. XII, № 2436, стр. 33 (15.V 1742).

²⁰ Voltaire's Correspondence, vol. XIII, N 2664, p. 100 (8.X 1743).

²¹ Там же, письма за 1742—1743 гг.

Там же, т. XII, № 2436, стр. 34 (15.V 1742).

Там же, т. XIII, № 2690, стр. 135—136 (16.XI 1743).

Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 22, p. 449.

Voltaire's Correspondence, vol. VI, N 1297, p. 193 (30.VII 1737).

Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 43, p. 175.

рухнули. Лживый правитель был далек от теоретического идеала. Нетрудно представить себе тяжелую обстановку в Потсдаме: обеспокоенный крушением своих надежд Вольтер, его негодование возмущение прусским автократом, который предложение философа сотрудничать на равных правах принял за согласие на наемную службу; недовольство Фридриха в связи с отказом Вольтера писать его стихи («полоскать белье»), его поза покровителя, задумавшая губа из-за непокорности нового вассала. Собранная в Берлине Академия, казавшаяся Вольтеру сначала если не лучшей, то во всяком случае равной ей, была всегда и во всем покорна. Она рукоплескала своему патрону, лгливо заглядывая в глаза, доносила, выпрашивала милости. Но унижение не входило в эксперимент Вольтера, с ним он не мог смириться даже в начальных целях. Почти подобное положение было у него на родине у королевского историографа. Ему же нужен союз равный и приличный, хотя бы такой, как в Англии, где ученые и философы вершили часть государственных дел. Ньютон, Гоббс, Локк, Свифт — вот исторические фигуры, которые его пленяют²⁷. Роль прачки его устраивает, а общество Мопертуя унижает²⁸. Хотя он говорил, что «философ свободен и в кандалах»²⁹, но уж больно крепкими оказались абсолютистские оковы Пруссии, такими же, как и в дождливой ему Франции. И этот человек с кипящей кровью не хотел кланяться на поклон. «Свобода была мне всегда дороже всего»³⁰, — говорил Вольтер. Здесь не только жажда равенства с королями, не только чувство собственного достоинства (хотя и этого для разночинца XVIII в. немало!). В этом — и стремление применить свои знания к делу, как Локк в Англии. В этом — и ответственность за великое звание писателя, философа, ученого, которым так гордился Вольтер. «Мне приятно было, отстаивая друга, взять на защиту свободу писателей...»³¹ И разве не та же мысль о миссии ученого и писателя в обществе, об уважении к нему заставляла бороться Ломоносова с такими же людьми в русской Академии наук, и разве не она терзала сердце Пушкина, десятки раз разрывавшего его в борьбе с Николаем I и привела в конце концов к гибели «При дворе, — пишет Вольтер, — всякий философ обращается в раба, уподобляясь первому попавшемуся чиновнику дворцового управления»³². И если почтенные прусские академики смиренно по-

²⁷ См. там же, т. 21, стр. 536; т. 22, стр. 179—180.

²⁸ См. там же, т. 23, стр. 560 (*Diatribes du docteur Akakia*).

²⁹ Там же, т. 10, см. p. 218.

³⁰ Там же, т. 1, стр. 39.

³¹ Там же.

³² Там же.

опуская глаза, требованиям своего патрона, то Вольтер этого делать не стал: «Жить в тоске, пить только по обязанности — для меня это значит не жить»³³, — говорил он. Теперь уже не со стороны, а в жизни Вольтер мог повторить слова одного из героев «Геракла»: «Царь для своих подданных — это бог, которого почитают, а для Геракла и для меня это обычный человек. Я защищал царя: поверьте, что я мог бы сражаться с ними и мстить им»³⁴.

В 1753 г. Вольтер решил привести в действие первую угрозу, которую он объявлял им теоретически в начале столетия, — начать сражаться. Недалек тот день, когда сбудется и второй этап его замысла — когда королю начнут мстить. Но это будет потом, а пока это будут другие. А здесь, в Потсдаме, Вольтер гневно выговаривался и уехал «с твердым намерением не встречаться с ним больше никогда»³⁵. Вольтер, который так не любил мятежей и народных восстаний, взбунтовался сам. Раньше это были поэтические обороты, теоретические идеи, теперь же — конкретный пример. И пусть, уезжая из Потсдама, он волновался, взывая о помощи из Франкфурта-на-Майне, — все же акт был совершен, он уехал от короля. Для европейского общественного мнения это был открытый разрыв, бунт, мятеж. Если до этого он считался талантливым писателем и только, то после отъезда от Фридриха он стал примером, личностью в толпе близких философов. Именно мятеж поднял его на небывалую для профессионального писателя высоту. Этим вызовом Фридриху Прусскому он учит к гордости и отваге. И это событие из жизни Вольтера — не только важный эпизод в его биографии. Этот случай говорит о сдвигах в общественной жизни. Ведь протестовал же он раньше, в 20-х годах против своего обидчика де Рогана, но это ни к чему не привело, никто не услышал, так же как никто не услышал и не поддержал в России бедного Тредиаковского. В 50-х годах XVIII в. идеологический климат во Франции был иной. Это бурные годы, о которых маркиз д'Аржансон говорит как о предреволюционных³⁶. Именно поэтому и вызов, брошенный Вольтером, в конечном итоге поняли — он верил, что теперь его услышат, ему помогут, ибо «ничто из того, что писал Вольтер, не ускользало от нас»³⁷, — как говорил Ж.-Р. Руссо. И Вольтер это знал. Во все концы летят его письма. Так много, что в новом издании его корреспонденции они сос-

Там же, т. 10, стр. 221.

Там же, т. 2, стр. 78.

Там же, т. 1, стр. 40.

La France au milieu du XVIII siècle (1747—1757) d'après le Journal du Marquis d'Argenson. Paris, 1898, p. 133.

Ж.-Р. Руссо. Избр. соч., т. 3. М., 1961, стр. 191.

тавляют более половины тома, посвященного первой половине 1753 г.³⁸ Чувствуя за собой поддержку, Вольтер не сдается там, во Франкфурте-на-Майне, где с ним, по приказу его «Орфея», обращаются, как со сбегавшей служанкой-воровкой. В течение столетий придется потом наемной немецкой историографии делить Вольтера. В вольтеровском мнении и действиях — противоречия самого Вольтера и эпохи, но это не дает права забывать всю сложность брошенного им вызова, все его историческое значение. В Ферне он, некоронованный король Европы, будет дружить, с захочет. Его дом станут осаждать толпы именитых гостей. Но, смотря на славу, Вольтер с нежностью и радостью будет встречать своих собратьев по профессии — актеров, писателей, художников. Он дружески примет в Ферне графиню Дашкову — подругу «Северной Семирамиды», но с большей теплотой — актера Леопольда или художника Юбера. Постоянно сводя в своем доме людей разного общественного положения, он хотел на практике доказать преимущество сословий, а также превосходство таланта и интеллекта знатностью и богатством.

Европейское, точнее французское, общественное мнение с недоумением следило за «дуэлью», удивилось ее эпилогу и немедленно взяло Вольтера под свою защиту. С этого дня заключен обоюдный союз. Обвинения в финансовых операциях, гневно брошенные в лицо Вольтеру из Пруссии, не имели предполагаемого успеха. Сам Вольтер не считал себя виновным — ему понадобились деньги для независимости. Он хотел быть философом — практиком — модельером, который умеет добывать себе средства к существованию, а не ожидает смиренно пенсий и подачек. Со своей стороны представители тогдашнего третьего сословия только усмехнулись подобным обвинениям. Самая разнообразная финансовая деятельность была тогда в духе эпохи, и многие будущие государственные деятели именно так умножали свои капиталы. Джордж Вашингтон, ставший вскоре главнокомандующим повстанческими силами в Америке, Бенжамен Франклин, друг Вольтера, оба жившие на другом материке, проявляли ту же чисто буржуазную активность при приобретении и умножении своих состояний. Пять лет спустя, купив Ферне, Вольтер будет старательно показывать, во что вложил деньги, и во всем блеске продемонстрирует свои таланты предпринимателя, нового помещика буржуазного типа. «Поживай как король, я сделался королем у себя»³⁹, — напишет Вольтер. Ф. Меринг вслед за Т. Карлейлем скажет, что можно спорить о добродетельности его финансовой деятельности, но вне сомнения она была только одним из средств стать могущественным и влиять на ход событий, и можно только сожалеть, продолжит Меринг, что в это печальное время нужно было такими сомнительными средствами добиваться осуществления великих целей⁴⁰. Сам Вольтер писал

кто из писателей пользуется такой свободой, как я. В большинстве случаев они бедны; бедность истощает мужество»⁴¹. Он не отказался в этом. Ведь мог же противостоять, пусть ценой собственного здоровья, сильным мира сего Жан-Жак Руссо, современник Вольтера. В вольтеровском мнении и действиях — противоречия самого Вольтера и эпохи, но это не дает права забывать всю сложность брошенного им вызова, все его историческое значение. В Ферне он, некоронованный король Европы, будет дружить, с захочет. Его дом станут осаждать толпы именитых гостей. Но, смотря на славу, Вольтер с нежностью и радостью будет встречать своих собратьев по профессии — актеров, писателей, художников. Он дружески примет в Ферне графиню Дашкову — подругу «Северной Семирамиды», но с большей теплотой — актера Леопольда или художника Юбера. Постоянно сводя в своем доме людей разного общественного положения, он хотел на практике доказать преимущество сословий, а также превосходство таланта и интеллекта знатностью и богатством.

Вольтер не откажется от дружбы с принцами и королями, хотя дружба и вызовет активные протесты его друзей (Даламбера, Дидро)⁴². Он очень неустойчив перед знаками внимания своих коллег и услаиваемых друзей и с удовольствием будет принимать соблазны и усыпанные бриллиантами табакерки. Но дружбу с ними он не откажется строить на равных началах. Он не откажется, да и несмотря на свой неудачный эксперимент с Фридрихом, давать советы монархам. Только в эти годы симпатии его переместятся севернее — в Россию. К Екатерине II полетят один за другим проекты, планы, советы.

Переписка с Фридрихом продолжится. Хотя стилистическая игра будет украшать письма, тон их изменится. Он заявит ему: «Мне стыдно, что я счастливей вас: мое общество состоит из философов, а Ваше — из нарядных головорезов»⁴³. Он спокойно скажет, что «ремесло героя и сан государя не делают сердце чувствительнейшим»⁴⁴. Вызывая раздражение Фридриха, он сравнит его с дьяволом, который носится по Европе⁴⁵. Он будет повторять, что его героиней является императрица Российская. Не приходится сомневаться, как было неприятно слушать Фридриху после Се-

Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 1, p. 39.
Дидро также попытается лично повлиять на Екатерину II и в какой-то степени повторит «пруский» опыт Вольтера, и в конечном итоге почти с теми же результатами.

Voltaire's Correspondence, vol. XXXVI, N 9617, p. 135 (5.VI 1759).
там же, т. XXXVI, № 7586, стр. 97 (19.V 1759).
там же, т. LXXXVI, № 17577, стр. 146 (8.XII 1773).

³⁸ См. Voltaire's Correspondence, vol. XXII.

³⁹ Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 1, p. 45.

⁴⁰ Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. 1. М., 1934, стр. 744.

милетней войны любые похвалы России, хотя бы в самой деликатной форме⁴⁵. При всех этих колебаниях Вольтер стремился жить не королям, а обществу, точнее третьему сословию, защищая не только теоретически, но и практически.

Он призывает собратьев по перу к действию: «Смело и прямо говорите о том, что у Вас на сердце»⁴⁷, — скажет он Даламберу. Вольтер знает, что объявленная борьба — опасная борьба. Сила неравны, и он тут же дает практический совет: «Бейте, но прячьте вашу руку»⁴⁸. Для Вольтера и его друзей угроза костра — совершенно реальная угроза. 16 апреля 1752 г. вышла королевская декретация, в которой говорилось, что «виновные в подготовке и печатании сочинений, направленных к нападкам, к возмущению умов и к покушению на королевскую власть» подлежат смертной казни. Судьбы Джордано Бруно, Мигеля Серветта и других божественных страстных ученых не забыты ни на минуту. А процессы Каласа, Ла Барра, палачи, сжигающие книги то там, то здесь, меньше всего помогали исчезнуть этим мыслям. Достаточно вспомнить, как не в шутку испугался Вольтер, как заматался он между Женевы и Лозанны в поисках безопасного пристанища, когда в вещах де Ла Барра нашли томик его произведений. Не спроста у Вольтера было около 150 псевдонимов, не спроста очень долго не могли достичь единого мнения в расшифровке термина «*ecrasez l'infâme*» («раздавите гадину!»)⁴⁹. Цензура (ей подвергались даже школьные учебники геометрии) прочесывала не только произведения, но и письма, шедшие в Ферне и уходившие оттуда. Все философы вынуждены подписываться условными именами. Совсем состарившийся Вольтер пугает почерки и просит друзей ставить хотя бы первые буквы своих имен, а письма присылать по возможности оклеивая их записками. Страшно было жить в стране сияющего и бездумного Версаля, где все еще колесовали жертвы, применяли пытки, истязали в застенках. Ученый — гордость XVIII в. — в преклонном возрасте

⁴⁶ «Я не буду читать историю этих варваров: я хотел бы даже не знать, что они обитают на нашем полушарии», — с ужасом и ненавистью пишет Вольтеру Фридрих II 31 октября 1760 г., буквально через 20 дней после того, как русские войска побывали в Берлине, а сам он находился на грани самоубийства. Он никогда не сможет простить русским их победу над ним, а Вольтеру его работы над книгой «История Российской Империи в царствование Петра Великого» и нежелания восхвалять своего пером Пруссии и самого Фридриха (см.: *Voltaire's Correspondence*, vol. XLIV, N 8606, p. 108).

⁴⁷ *Voltaire's Correspondence*, vol. XLVI, N 8928, p. 17 (7—8.V 1761).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: R. Pomeau. *La religion de Voltaire*. Paris, 1956, p. 310. «L'infâme, c'est le christianisme».

не пользоваться Эзоповым языком и, чтобы обезопасить себя от цензуры, посвящает произведения сильным мира — королям, а «Магомета» — даже папе римскому. Полное юридическое и практическое бесправие интеллекта при абсолютизме заставляло прибегать к этим уловкам. Тех же, кто пренебрегал и шел своим путем, подняв забрало, ждала участь Новиковых и Радищевых. И все же, несмотря на постоянную опасность, Вольтер гневно бросает пересмотра дел Каласа, Ла Барра, Монбальи и др. Он бросает открытый вызов абсолютной власти, а не ограничивает ее этим прошением о помиловании. По поводу дела Ла Барра писал: «Мы организуем всю Европу против трех подлецов»⁵⁰. Это новый способ требовать «юридической справедливости». И он — поэт — это беспрецедентно — побеждает. Конечная его личная победа, но в то же время и огромная победа просветительских сил над феодальной Францией. Благодаря Вольтеру, имя писателя стало почетным. Правда, не исчезла и власть на писателей, но никто уже не смел бить их палками. Это было, что буржуазная идеология прочно проникла в сознание общества. Новый класс нуждался не только в таких деятелях науки, которые придумывают машины и ставят опыты с молнией; он нуждался и в своих идеологах, тех, которые начали, пусть постепенно, готовить новую конституцию, а значит — готовить ему политическую власть. Новый класс ценит и писателей, которые воспевают просветителей, проповедают его мораль, служат ему.

Вольтер просветителей, объединивший всю оппозиционную и стоявший во главе всей новой идеологии, без жалости боролся за упразднение феодализма, а тем самым — вольтером невольно готовил Францию к штурму Бастилии. И в этом просветители выступают единым фронтом. Для них было ясно, что сплочения всех сил победа невозможна. Просветители стремились к этому единству, часто шли на компромиссы друг с другом, но тот или иной центр, который оформил бы существование единого фронта. У истоков «Энциклопедии», несомненно, лежит не только сознательное, а сознательное стремление к выработке единой платформы.

Тенденция к сплочению была лишь одной из двух тенденций, характеризующих просветительскую мысль. Вторая тенденция была прямо противоположна — это неуклонное и все более нарастающее на протяжении XVIII в. стремление к размежеванию различных направлений, которые мы лишь условно можем охватить одним понятием Просвещение. Более умеренные элементы републиканского Просвещения, которые мы лишь условно можем охватить одним понятием Просвещение. Более умеренные элементы републиканского Просвещения, которые мы лишь условно можем охватить одним понятием Просвещение. Более умеренные элементы републиканского Просвещения, которые мы лишь условно можем охватить одним понятием Просвещение.

Voltaire's Correspondence, vol. XC, N 18276, p. 132 (28.III 1775).

тельно отталкивали от себя различные радикально-демократические течения. Так, неприязнь и даже ненависть Вольтера к Руссо (это не столкновение двух индивидуальностей (как зачастую толкуют руссоисты и вольтеристы), но выражение, проявление глубоко противоположных идейных сил. Размежевание сил внутри просветительского лагеря касалось почти всех сторон мировоззрения. Трудно указать такой вопрос, по которому мир просветителей не был бы расколот на полярно противоположные позиции. И в то же время он весь в целом был полярно противоположен миру официальной феодально-абсолютистской и клерикальной идеологии. Это строение лагеря Просвещения соответствует и структуре третьего сословия. Оно не только не представляло единства класса, но состояло из классов со взаимно противоположными интересами. Но оно было едино в той мере, в какой оно противостояло господствующим сословиям — дворянству и духовенству.

И идеологом третьего сословия, вождем Просвещения стал Вольтер. Заслуженно или незаслуженно он оказался в самом центре пересечения многих линий оппозиционной общественной мысли. К нему тяготели не только единомышленники, но и все те, кто искал вождя и для кого нередко имя Вольтера, его слава были важнее его личных мыслей. Такое исключительное положение Вольтера в мире просветителей во многом определялось и его репутацией за рубежом. Именно эта репутация в значительной мере способствовала тяготению к Вольтеру различных группировок просветителей в самой Франции. Иногда даже — не приходится скрывать — и умеренность его политических и философских позиций сознательно и бессознательно приводила к оценке его как вождя Просвещения.

Вольтер, со своей стороны, искал боевого содружества. Феррарский патриарх, бывший учитель энциклопедистов смиренно соглашался перед «братством» философов. Он был готов принять сильное участие в битве, все равно в каком чине. «Я повинуюсь как только мог вашим приказам, — пишет он Даламберу. — У меня нет ни времени, ни знаний, ни здоровья, чтобы работать, как вы желаете. Я посылаю вам свои опыты только как материалы, которые вы используете по своему усмотрению для бессмертного сочинения, воздвигаемого вами. Прибавляйте, урезывайте; я вам посылаю свои неотесанные камни в надежде, что они пригодятся в каменном углу вашего здания»⁵¹. В «Энциклопедии» соблюдалось равенство — нет мэтров, нет подмастерьев, все откровенно высказывают свое мнение об идеях и сочинениях друг друга. Но и в то

⁵¹ Voltaire's Correspondence, vol. XXIV, N 5173 (20.V 1754).

все держатся друг за друга (Даламбер, противник Вольтера, готов с ним поссориться, но во имя борьбы не идет на разрыв). Это идея личного самоотречения во имя общего дела. Созвездие «Энциклопедии», первая величина — Дидро, Гельвеций, Гольбах, Даламбер, — зачастую не разделявшие политических концепций Вольтера, с глубоким уважением относились к нему.

Все великие достижения блистательной мысли XVIII столетия создавались, осмысливались, синтезировались Вольтером, и одушевляя их своим пламенным талантом, отдавал людям. Великий писатель подчас заключается не только в том, что он говорит, но и как он говорит. А в устах Вольтера даже самые простые известные мысли звучали особенно. Сам Вольтер говорил, что нужно о предметах, доступных и понятных самым простым людям. Писателя должна одушевлять только истина, а не жажда славы. Его задача — уничтожить ложь и суеверие и учить людей справедливыми и терпимыми. И в то же время, используя дарование, писатель должен выставлять жестокость и несправедливость и в ужасном и в смешном свете. Людям необходимо действовать всю прелесть идей нравственности. По убеждению Вольтера, нужно уметь писать для всех общественных слоев — от сапожника до сапожника⁵². Конечно, не стоит заниматься агитационными преувеличениями. О «сапожнике» он писал pour la bonniche. Хорошо известно, как он боялся широких народных масс (il n'aimait pas le peuple) и в своей программе народного просвещения не соглашался поднимать «сапожников и слуганок» до уровня канц-

лерского удивительное мастерство Вольтера приводило к тому, что его стихотворение, повесть, пьеса, интимное письмо получали резонанс немедленно и с большим успехом, чем многие оригинальные, глубокие, но трудно читаемые трактаты. Не было в те времена мастера слова, любой литературной формы, который бы лучше Вольтера пропагандировал идеи вольнолюбия и использовал бы все оттенки и нюансы виртуозной техники письма. Как бы то ни было, и полнокровно звучит его голос в прощении от имени крепостных Юры или в защиту Каласа! Будто это говорит не сухонький, бледный, маленький старичок, а юноша, полный сил и отваги. Неудивительно, что печатные лукавые страницы философских повестей, напол-

Voltaire. Oeuvres complètes. vol. 23, p. 1—4. Этой проблеме посвящены многие страницы произведений Вольтера, в частности «Épître aux Français par le grand apôtre des Délices» и др. Исследование всех оттенков мысли писателя о просвещении народа не входит в задачу данной статьи.

ненные насмешкой — острой, едкой, злой и гуманной! В XVIII веке один он с таким успехом использовал старую народную традицию Средневековья и Возрождения — побежденное смехом страдания. Ведь издавна ни один карнавал, ни одно народное гулянье городской или деревенской площади не обходились без ритуала осмеянного и этим уничтоженного чудовища. Но к XVIII в. эта традиция изгоняется из повседневной жизни, ее засушивают в книгах. Пожалуй, только лионский гиньоль да празднества на юге страны сохранили отзвуки этого ритуала. Вольтер если не возмущался, то продолжил смех Рабле. Но у него это — не звонкий, не лезвианский хохот, а улыбка, усмешка, насмешка, подчиненная дисциплине классицизма. И как она разнообразна, эта вольтерьянская улыбка! От злобной и саркастической, через веселую галантную до доброй и мудрой улыбки философа, прожившего жизнь. Она не только обязательный атрибут его портрета — у Ларжера, у Гудона, у Пигаля, — она в каждом его произведении (а может, потому-то она и в портретах!). Трудно читать его письма Фридриху II или Екатерине Великой и не заметить за пустыми словами лести эту самую усмешку — с хитринкой, с издевкой, с неверием. От нее, от этой усмешки, родилось «вольтерьянство» — воплощение сомнения и неверия. Этим неверием, этим сомнением он заставлял людей внимательно глядеться в то, что они делают много раз, и находить там злоупотребления, насилие, несправедливость. Предрассудки, все то, что предшествовало рассудку, он требовал подвергать анализу разума и отбрасывать, как прочное старое. Никаких авторитетов: «Не будем доверять никому, кроме себя, будем на все смотреть своими глазами: они наши треножники, наши оракулы, наши боги»⁵³. В этом была разрушительная, в то же время созидательная сила вольтерьянства. «Смех Вольтера бил и жег, как молния»⁵⁴, — удивительно точно сказал А. И. Герцен.

Этот метод Вольтера-философа пришел к нему от Вольтера-критика, который утверждал: «Все предупреждает, что материя имеет больше свойств, которых мы не знаем. Мы ходим только на берегу огромного океана; сколько еще остается открытым!»⁵⁵ Этот оптимизм ученого звал бороться за все новое, открывать, отвоевывать знания кусочек за кусочком, познавать природу, совершенствовать ее и общество — и тем самым прогрессировать.

⁵³ Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 2, p. 80.

⁵⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., 1915—1919, т. V, стр. 12.

⁵⁵ Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 22, p. 582.

Вольтер внушал людям, что только они могут создать сад. Знаменитая из-за множества толкований мысль из «Кандида» — «не возделывать наш сад»⁵⁶ — не призыв к тому, чтобы каждый занимался своим делом. Здесь, по нашему мнению, утверждается другая идея: попробуйте оставить сад без ежедневного труда, и он превратится в лес. Пустое резонерство ни к чему, пангlossы — пустые теоретики — смешные фигуры в обществе. Практическое применение — вот истинное призвание философии. В этом, нам думаем, и заключается финальный призыв «Кандида».

Насмешка (конечно, слишком жестокая) над отчаянием Руссо, выражающая его протест против цивилизации и несогласие с призывом вернуться к патриархальной жизни, — это все та же улыбка: если оставить детей в лесу, они станут животными. Люди должны идти только вперед, должны совершенствоваться, развить свой разум, овладеть природой, техникой, становиться лучше. И в этом процессе большую роль призван играть писатель. Писатель должен соблюдать принципы — верность, честность, мужество, человеческое достоинство, относиться ко всему без тени равнодушия — к власти, к славе, к деньгам, по Вольтеру, первый долг писателя. Заставляя писать и для себя, и для сапожника, Вольтер требовал полного напряжения физических и личных сил, предельного профессионального мастерства от каждого ученого. Часто Вольтера упрекают в том, что он слишком прислушивался к «капризному суду» толпы и во имя славы перекрашивал по многу раз свои пьесы в угоду зрителям. Думаем, что этим Вольтер мог гордиться, ибо тем самым он воспитывал своих товарищей по перу в духе уважения к публике. От зрителей и читателей во многом зависит, насколько серьезно будут относиться к своему творчеству деятели кисти, резца и пера. Он не считал, что интеллигенция не замыкается в узкокопечном высокопарии гениев, а выслушивать суд народа (nation), ибо все творческие силы должны быть отданы ему.

Глубокую связь его творчества с интересами страны, за активность в жизни общество ответило Вольтеру безграничным доверием, приписывая ему много такого, чего он и не делал и не говорил. Очень далек истинный Вольтер от того Вольтера, который остался в народной памяти. Много еще придется написать историкам, где они будут пытаться воссоздать облик истинного Вольтера, много поколений не захотят увидеть его истинного, а будут видеть в памяти только облик справедливого и мужественного критика обиженных, отважного ученого, не пожелавшего в угоду Фридриху стать «кожурой от выжатого апельсина». В памяти

и же, т. 24, стр. 218.

потомков он останется воплощением лучших качеств ученого — разума, живой мысли, отважного сердца и искристой галльской селости. Третье сословие станет почитать в нем мыслителя, ставшего, что «человек рожден для действия так же, как огонь становится вверх, а камень вниз. Не быть занятым и не существовать для человека — это одно и то же»⁵⁷. Не кабинетного мудреца, а человека, который помнит, а воина и трибуна, защитника семьи Каласа, «воина и старца из Ферне», который со всеми своими ошибками и слабостями, надеждами и разочарованиями, поражениями и обидками был живым человеком, сотканным из плоти и крови, и тем оставался близок каждому французу и каждому из нас.

Современники прощали ему многое — и непонимание парижской борьбы («реформа Мопу»), и грубый, подчас циничный антидемократизм, и боязнь революционной бури, и бесчисленные промахи и обличий. Когда в 1778 г. больной и немощный, на пороге смерти, Вольтер приехал в Париж, он пережил замечательные минуты триумфа, какие в истории достались лишь немногим правителям. Против высочайшей воли короля не принятого при дворе Вольтера приветствовала французская нация. На представлении «Ирены» ему рукоплескали, ему поклонялись почти как божеству. Пройдет немногим более десяти лет и здесь же в театре представления «Брута» встанет один из зрителей и скажет о гражданских заслугах Вольтера-писателя: «Господа! Я требую во имя отечества, чтобы гроб Вольтера был перенесен в Париж. Это перенесение будет последним ударом фанатизму. Великий человек, создавший характер Брута, в настоящее время был бы первым защитником народа!»⁵⁸ И, любя всем сердцем Жан-Жака Руссо, французская нация окажет высшие гражданские почести Вольтеру. Так сохранился авторитет Вольтера, писателя и гражданина и после смерти. Он продолжает существовать и действовать могучая сила. И если проблема всемирного авторитета Вольтера вызывала и продолжает вызывать и теперь очень острые споры по вопросу о том, существует ли такой авторитет, а по воле его истоках и основах и о том, каково его значение в нашем современном мире.

Все новые и новые поколения писателей — Пушкин, Гоголь, Виктор Гюго, Ромэн Роллан, А. Барбюс, Франц Меринг, чувствовали с ним кровное родство, приветствовали Вольтера. Отвага Вольтера и его страстность в защите высокого звания писателя и в то же время требовательность к общественному долгу были близки им, придавали всю сложную натуру Вольтера — художника и человека. Через сто лет после смерти Вольтера горячие слова о нем скажет Виктор Гюго: «убеленный сединами, всеми признанный мэтр французской литературы вступится за его светлую память»⁵⁹. Он не станет углубляться с профессиональной тщательностью в анализ его творчества. Он скажет о смелости и мужестве писателя, который объявил один на один бой союзу всех социальных несправедливостей, имея в руках только перо. Примечательно, что говоря о Вольтере именно Гюго, своей жизнью поддерживавший принципы Вольтера. Слушая его, все понимали, что Гюго говорит и о своей судьбе, столь схожей даже внешне с вольтеровской: и о любви к Франции, оба жили в изгнании, ибо выше всего ценил гражданскую свободу, дорожили именем и честью писателя. В жизни были и совпадения главных вех: 1753 год — бунт Вольтера против Фридриха и по сути бунт против своего французского короля — и 1852 год, когда в знак протеста против Луи-Наполеона покинул свою родину Гюго; 28 лет вольтеровской жизни вне Франции и 18 лет изгнания Гюго. А потом триумф — торжественные похороны в Пантеоне. Из XVIII века Вольтер получал руку поддержки Виктору Гюго, и тот ответил горячим признанием, полным взаимопонимания. Так боец XIX века чтит бойца XVIII века — Вольтера, который доказал, что легкое перо может быть подчас страшнее пушек и целых армий. Им примером он укреплял уверенность в великой силе писателя, в могуществе разума, в том, что слову дано многое. В трудные годы кануна первой мировой войны Генрих Манн написал замечательную статью «Вольтер и Гете», в которой не просто ради эффекта сравнил этих двух великанов. Именно тогда, когда особенно остро встал вопрос о том, с кем пойдет нацистская элита — станет ли она подражать смелости Вольтера или будет следовать в гетевской кабинетной учености, — Генрих Манн пишет: «Вольтер борется во прахе и крови за человечество... Он вопиет бунт человека против... несправедливости и черствости... Он атакует своей язвительной насмешкой, этим самым человеческим оружием. Он ненавидит все традиционное, все законсервированное, что стремится уйти из-под контроля мысли, критики... Он сам перекнуто мной. — И. С.) предъявляет требования... исходя из несправедливости и правды. Его голос срывается от гнева и ненависти, его лицо искажено гримасой»⁶⁰. И прав Манн, что имя Вольтера

⁵⁷ Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 22, p. 41.

⁵⁸ Desnoiresterres. Voltaire et la société au XVIII siècle, vol. 1, Paris, s. d., Deuxième édition, p. 479.

Гюго. Собр. соч., т. 15. М., 1956, стр. 655.

Манн. Соч., т. 8. М., 1953, стр. 35.

тера «гремело везде, где правда восставала против выгоды, разум — против власти». И «если бы подняли крышку гроба Золя, который ради защиты несправедливо преследуемого поставил под угрозу вечную мощь своей родины, если бы подняли крышку гроба Золя, когда его несли к Пантеону, то увидели бы светлое лицо Вольтера». Это светлое лицо можно увидеть и в художнике Гюставе Курбье, и в кристально чистом физике Поле Ланжевене, и во многих других знаменитых и безвестных представителях французской интеллигенции — артистах, школьных учителях и журналистах, в тех, кто дарил нации свой ум, талант и сердце и которым люди, нарицаемые человечеством, отвечали любовью и бессмертием, потому что в каждом великом французе, в каждом великом писателе живет Вольтер, «возрожденный Вольтер»⁶¹. И не только французы помнят Вольтера. Россия, 1896 год... Писатель В. Г. Короленко упорно борется за спасение семи крестьян-вотьяков села Старый Мултаво, ложно обвиненных в человеческом жертвоприношении языческим богам. В этой борьбе соратником, опорой Короленко был Вольтер. И Короленко, опираясь на его опыт, помня о его победах, спасая мултавовских крестьян от каторги. Известный судебный деятель А. Ф. Кони писал Короленко: «Вам пришлось пойти дальше Вольтера и ратовать против возможной судебной ошибки не только печати, но и на судебной арене...» Сам Короленко необыкновенно точно дал оценку — суровую оценку Вольтеру как человеку и точно как писателю-борцу. Нам об этих словах рассказывает А. М. Горький в одном из своих рассказов: «...Вольтер, несмотря на свою гениальность, был плохой человек, однако он сделал великое дело, выступив защитником несправедливо осужденного. Я говорю о том, сколько мрачных предрассудков разрушено им, вот эта его упрямая защита безнадежного, казалось, дела, — великий подвиг. Он понимал, что человек прежде всего должен быть гуманным человеком. Необходима справедливость! Когда она накаплилась понемногу, маленькими искорками, образует большой огонь, он сожжет всю ложь и грязь земли, и только тогда изменит свои тяжелые, печальные формы. Упрямо, не щадя себя, никого и ничего не щадя, вносите в жизнь справедливость, вот так я думаю»⁶². В этом было его счастье и его величие.

Большой срок отделяет нас от Вольтера. Литература пошла по пути общественной борьбы. Она стала летописью нелегкого исторического пути народов. Писатели и мыслители встали в ряд

и положил этому начало Вольтер. Мы видели, что он шел иногда на компромиссы. Но в целом в своей писательской гражданственности он действовал честно, смело, был верен высокому идеалу человечности. После смерти Вольтера его произведение, его подвиги стали жить самостоятельной жизнью, воспитывая и облагораживая ум, чувства многих поколений.

О Гюго и Вольтере, о том, как их «познают», открывают для себя все новые поколения, о том, как «обрел» их для себя самого Эммануэль Роллан рассказывают эти строки: «Прошли многие годы. Было стремление к другим горизонтам. Стало казаться, что прошлое и старые чародеи от нас очень далеки. Как вдруг на одних из поворотов «поднимающейся зигзагами» дороги мы во время войны, в целях ее обличения, вновь обрели Виктора Гюго и Вольтера. Кто ожидал встретить их в объятиях друг друга? Мы были несправедливы по отношению к ним обоим. Теперь они мстят за себя, приходя к нам на помощь в битве. У меня было время поверить мои суждения, когда я жил изгнанныком в Швейцарии. Перечел вновь все, мною прочитанное. И через голову человека в возрасте от двадцати до сорока лет пятидесятилетний человек протянул руку юноше. Они объединились в общем для них обоих чувстве восхищения. Но это восхищение было вызвано далеко не такими причинами. Дорога была нам не только ирония Вольтера, нам были дороги человечность и неукротимая сила свободы — да, присущая тому, кто сказал: «Нам приходится жить всего лишь каких-нибудь несколько дней. Нетрудно провести их, пребывая среди презренных негодяев. Все великое создается лишь умом и твердостью человека, который борется с предрассудками большинства»⁶³.

Субъективно бесконечно далекий от решимости предложить своим соотечественникам путь революции, «буржуа, который одиозно ненавидит аристократию и народ и одинаково их боится»⁶⁴, Вольтер объективно своим творчеством и целым рядом поступков общественной жизни внушал человеку надежду и веру в свои силы, был этим как действию. По Вольтеру хотеть — значит мочь: «человек свободен тогда, повторяю еще раз, — пишет он, — когда он делает то, что хочет»⁶⁵. Это значит, что человек способен поверить в свое могущество так, как Вольтер поверил в него в Потсдаме, как поверил в деле Каласа. Разбуженное чувство человеческого достоинства превращает человека в сильную духом личность, способную

⁶¹ Г. Манн. Соч., т. 8, стр. 35.

⁶² А. М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 9. М.—Л., 1947, стр. 710.

Эммануэль Роллан. Собр. соч., т. 14. М., 1958, стр. 594—595.

Г. Манн. Соч., т. 8, стр. 37.

Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 28, p. 532.

творить чудеса. Пусть в глубине души Вольтер был готов к компромиссу, но для французского народа и для всей Европы он выглядел бунтарем, истинным вольтерьянцем.

И совершенно прав Генрих Манн, который утверждал, что «Вольтер, воплощающий веру людей в торжество человечности, близок широким слоям своего народа, который ничего не знает о его культуре, ни о его недостатках, ни о его ограниченности, для которого имя Вольтера навсегда стало символом самой свободы»⁶⁶. И понимая сейчас природу его ошибок и заблуждений, восторгаясь его остротой, но и восторгаясь его противоречиями, присущими не только ему лично, но и всей блестящей, но противоречивой мысли третьего сословия, можно согласиться с тем, что воистину, «страстность разума спасла Вольтера»⁶⁷.

Некоторые тематически связанные материалы

Монографии и статьи о Вольтере

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

другие работы И.И.Сиволап

Вольтер в советской литературе 1917-1972 гг.

Радищев и Вольтер

Вольтер о революционных движениях XVII-XVIII вв.

Ж.-Ж.Руссо в советской литературе 1917-1976 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

⁶⁶ Г. Манн. Соч., т. 8, стр. 40.

⁶⁷ Там же, стр. 37.